

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИРАНА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И АМЕРИКАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ «СИСТЕМНОГО СДЕРЖИВАНИЯ»

К.Г. Краснов, В.И. Юртаев

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

В статье анализируются особенности формирования и реализации внешней политики Исламской Республики Иран (ИРИ) на Ближнем Востоке (Ирак, Турция, сирийско-ливано-палестинская зона, Египет, страны Персидского залива, Йемен) в условиях трансформации форм и методов осуществления стратегии Вашингтона по «системному сдерживанию» ИРИ. Особое внимание уделено выявлению потенциала ИРИ как одного из лидеров Ближневосточного региона.

Показаны основные этапы, направления и способы реализации стратегии «системного сдерживания» ИРИ как комплекса политических, экономических и военных мер, осуществляемых США и их союзниками для оказания многостороннего давления на Тегеран с целью изменения его политического курса и смены власти в стране.

Изменение внешнеполитической позиции и подходов Тегерана к решению региональных проблем рассмотрено в контексте эскалации давления на Иран со стороны США и стран Запада. Проанализировано, какие формы и методы осуществления внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности были использованы Ираном в ситуации возраставших политико-экономических рисков в связи с ужесточением режима международных и односторонних санкций.

В заключении даны оценки эффективности ближневосточного измерения иранской внешней политики в рассматриваемый период и выделены тенденции развития ситуации вокруг ИРИ, позволяющие сделать прогноз на среднесрочную перспективу.

Ключевые слова: Иран, США, Ближний Восток, системное сдерживание, внешняя политика, санкции.

Заключение Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) между Ираном и группой шести международных посредников в июле 2015 г. и его последующее вступление в силу в январе 2016 г. стало поворотным пунктом не только для отношений Ирана со странами Запада, но и создало новую ситуацию в регионе Ближнего и Среднего Востока. Анализируя происходившие изменения, американские исследователи отмечали, что реальная перспектива отмены односторонних и международных санкций напрямую отразится на влиянии Ирана в регионе и его роли в региональных процессах¹. При этом обращало на себя внимание то, что американские аналитики прогнозировали значительный рост влияния страны, ко-

---

¹ James Phillips. The Dangerous Regional Implications of the Iran Nuclear Agreement. the Heritage Foundation. URL: <http://www.heritage.org/research/reports/2016/05/the-dangerous-regional-implications-of-the-iran-nuclear-agreement>; The Council on Foreign Relations — The Middle East After the Iran Nuclear Deal. URL: <http://www.cfr.org/middle-east-and-north-africa/middle-east-after-iran-nuclear-deal/p36963>; Suzanne Maloney. Major beneficiaries of the Iran deal: The IRGC and Hezbollah. the Brookings Institution. URL: <https://www.brookings.edu/testimonies/major-beneficiaries-of-the-iran-deal-the-irgc-and-hezbollah/> (accessed 5.11.2016).

торая более 35 лет находилась под достаточно жестким, многосторонним давлением со стороны США и их союзников. Несоизмеримость экономических и военно-политических ресурсов противостоящих сторон обосновывает необходимость рассмотрения комплекса мер, применявшихся Ираном для нейтрализации американской политики «системного сдерживания» ИРИ, для выявления ключевых факторов, определивших в конечном итоге эффективность иранской политики.

Современные подходы США в отношении Ирана были заложены в начале 80-х гг. XX в. Победа Исламской революции в Иране и бегство шаха из страны 15 января 1979 г. означали слом ближневосточного измерения «доктрины Никсона», предусматривавшей проведение «политики двух опор» на Ближнем Востоке — Саудовской Аравии как главного финансово-экономического союзника и шахского Ирана как военно-политического [Gause III 2010: 22; Alwandi 2014: 28—64].

Кардинальное изменение внешнеполитических ориентиров Ирана с прона антиамериканскую политику заставило Вашингтон пересмотреть не только свой курс на иранском направлении, но всю ближневосточную политику в целом. В лице Исламской республики США получили не просто еще одно враждебно настроенное государство, — ИРИ стала олицетворением новой, полностью альтернативной идеологической концепции. Предложенные Р. Хомейни концептуальные установки построения Исламской республики путем осуществления исламской революции, обращенные ко всему исламскому миру, представляли собой прямой вызов американской мессианской идее построения «града на холме». Следовательно, они являлись угрозой национальным интересам США и требовали реализации комплексных мер по недопущению распространения иранского влияния в регионе и мире — формировании «системного сдерживания» ИРИ.

В данном контексте необходимо отметить, что, анализируя характер, содержание, цели и задачи внешнеполитического курса США в отношении Исламской республики, зарубежные исследователи, прежде всего, представляющие американские исследовательские центры (think tanks), отмечают ее системный, комплексный характер, призванный оказать максимальное воздействие на Тегеран [Maloney 2001: 2—6; Reardon 2012: 5—21]. Вместе с тем, применительно к иранскому треку внешней политики США, в большинстве иностранных, в том числе американских, исследований используется именно термин «политика сдерживания» (containment policy) [Litwak 2015: 21—41; Kahl, Stokes, Pattani 2013: 10—16]. Авторы данных работ, указывая на недостаточную эффективность, в ряде случаев — недостаточную последовательность внешней политики Вашингтона в отношении ИРИ, подходят к ее рассмотрению как совокупности отдельных комплексов внешнеполитических мероприятий, менявшихся от одной администрации к другой. Однако они не оспаривают факт наличия общности целей и задач, стоявших перед американской внешней политикой и дипломатией на иранском направлении после 1979 г., вне зависимости от конкретного исторического этапа, что было обусловлено, в том числе, восприятием ИРИ как существенной угрозы интересам США. Это придает курсу США по взаимодействию с Исламской республикой как с одним из региональных акторов, приоритетных для США, известную преемствен-

ность и по существу стратегический характер². Совокупность указанных причин делает методологически оправданным использование в настоящей работе термина «стратегия системного сдерживания» (strategy of system containment) в отношении содержания внешнеполитического курса США на иранском направлении.

В первую очередь США начали предпринимать срочные меры по заполнению образовавшегося «вакуума силы» в регионе. Объявленная в начале 1980 г. «доктрина Картера» предусматривала создание «сил быстрого развертывания» и размещение в регионе контингента ВМС США для «обеспечения безопасности» на мировых энергетических коммуникациях [Herring 2008: 34; Patterson 2007: 28]. Предложенное затем Р. Рейганом «новое прочтение доктрины Картера» только увеличило силовой компонент в политике США на Ближнем Востоке, прежде всего в Персидском заливе. В отсутствие сильных в военном отношении региональных союзников из числа арабских стран Вашингтон был вынужден полагаться на собственные силы для обеспечения своих интересов, сводившихся к контролю над районами добычи энергоресурсов и маршрутами их транспортировки. В это время оформился военно-политический компонент «системного сдерживания» ИРИ, включавший в себя поддержание американского военного присутствия вблизи иранских границ и попытки сформировать дееспособный военный блок из числа региональных союзников США. Заливные монархии (КСА, ОАЭ, Катар, Бахрейн, Кувейт и Оман), разместившие на своей территории американские контингенты, были в 1981 г. объединены в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), ставший проводником американской политики [Иранская революция... 1989: 416—438].

Не меньшее значение в Вашингтоне придавали и комплексу мер экономического воздействия на Исламскую республику. Первым шагом в этом направлении стал исполнительный указ 12170 президента США Д. Картера от 14 ноября 1979 г., поводом для которого стал захват посольства США в Тегеране. Согласно данному указу все официальные иранские авуары в Соединенных Штатах, включая счета в американских банках и их зарубежных филиалах, были заблокированы [Федорова 2016: 254—264]. Кроме того, Соединенные Штаты использовали свое влияние на западноевропейских союзников, чтобы добиться от них прекращения какого-либо сотрудничества с Ираном. На протяжении 1980-х гг. США всячески препятствовали сотрудничеству Тегерана с развитыми капиталистическими странами. Впоследствии под американские претензии к ИРИ была подведена законодательная база: в 1995 г. конгресс США принял «Законодательный акт о санкциях в отношении Ирана и Ливии», в 2006 г. переименованный в «Законодательный акт о санкциях в отношении Ирана». В соответствии с ним американским компаниям было запрещено сотрудничать с ИРИ в сфере добычи и переработки нефти, а в конгрессе США был создан специальный комитет по санкциям в отношении ИРИ. Тем самым экономический компонент «системного сдерживания» ИРИ получил свое институциональное оформление.

---

² Michael Doran. Obama's secret Iran Strategy. The Mosaic magazine. 2015. URL: <http://mosaicmagazine.com/essay/2015/02/obamas-secret-iran-strategy> (accessed 5.11.2016).

Следующим важнейшим компонентом «системного сдерживания» ИРИ стало идеологическое противоборство с Исламской Республикой как внутри страны, так и на региональном уровне. В масштабах Ближнего Востока Вашингтон сделал ставку на партнерство с государствами суннитского большинства, особое место среди которых занимало Королевство Саудовская Аравия (КСА) — носитель противоположной ИРИ идеологии суннитского фундаментализма (ваххабизма). Именно вокруг КСА в 1981 г. был создан ССАГПЗ. Впоследствии союзные отношения с исламскими фундаменталистами из «заливных» монархий были дополнены стратегией «демократизации Большого Ближнего Востока».

Таким образом, к концу 1980-х — началу 1990-х гг. получили юридическое и институциональное оформление три ведущих компонента политики Вашингтона по «системному сдерживанию» ИРИ: военно-политический, экономический и идеологический. При этом в зависимости от конкретной ситуации на Ближнем Востоке и в самом Иране руководство США получило возможность изменять иерархическую значимость каждого из них в политике на иранском направлении. Однако в каждый исторический период «системное сдерживание» включало вышеупомянутую триаду.

В период нахождения Дж. Буша-младшего на посту президента США (2000—2008 гг.) на первый план в структуре «системного сдерживания» вышел военно-политический компонент. Новые возможности по наращиванию военного давления на Иран появились у США после вторжения в Ирак в 2003 г. Уже к концу 2007 г. численность американского контингента в стране достигла 170 тыс. человек. Однако деятельность США и их союзников по реализации военного компонента «системного сдерживания» при ряде тактических успехов не смогла нанести решающее поражение региональным силам, ориентированным на Иран. К 2007 г., когда военный контингент США в регионе достиг максимальной численности за все предшествующие годы, стало очевидно, что наращивание американского военного потенциала, сопровождавшееся демонстрацией готовности его использования против ИРИ, не оправдало себя. Вмешательство Вашингтона во внутренние дела мусульманских стран, пусть даже и под самыми благовидными предлогами, привело к эскалации напряженности в регионе, усилению кровопролития и братоубийству мусульманских народов [Дружиловский 2016: 52—57].

Осуществление этого курса привело к росту потерь среди военнослужащих США, поскольку Тегеран с успехом противопоставил американской стратегии, основанной на задействовании крупных формирований регулярных сил при массовой поддержке авиации, собственный вариант использования многочисленных, высококомобильных иррегулярных подразделений³. В частности, Тегеран использовал в своих целях военно-политическое движение иракских шиитов «Аса-иб Ахль уль-Хакк», построенное на принципах сетевой структуры⁴. По инфор-

---

³ The Weekly Standart, The Institute for the study of war — Iran's proxy war against USA and the Iraqi government. URL: http://www.understandingwar.org/sites/default/files/reports/Iraqi_Report06.pdf (accessed 7.11.2016).

⁴ The American Forces Press Service — Petraeus: Interrogations Reveal Iranian Influence in Iraq. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/library/news/2007/04/mil-070426-afps03.htm> (accessed 7.11.2016).

мации американских СМИ, на территории Ирака действовало порядка 150 оперативных сотрудников КСИР ИРИ, осуществлявших планирование и координацию деятельности шиитских вооруженных формирований⁵. Ирак стал для США «новым Вьетнамом» [Iraq and... 2008: 94—125] — с 2008 г. по причине высоких потерь американский контингент в Ираке неуклонно снижался, сократившись до 20 тыс. человек к 2012 г.

При этом затраты Ирана на поддержку военных формирований в Йемене, Сирии, Ливане и Палестине были значительно меньше расходов США и союзных им государств на содержание значительных формирований регулярных войск. Кроме того, динамика американо-иранского противостояния показала, что попытки выстраивать отношения с Ираном с позиции силы в расчете на получение односторонних преимуществ приводят к противоположным результатам. По мере нарастания военной угрозы со стороны США в 2001—2005 гг. руководству ИРИ удалось сплотить население вокруг властей страны, что позволило М. Ахмадинежаду, одержавшему победу на выборах президента ИРИ в 2005 г., ужесточить подходы к диалогу с Западом.

Б. Обама, сменивший Дж. Буша на посту президента США в 2008 г., в своей речи в марте 2009 г. обратился к властям и народу ИРИ, отметив готовность к началу переговоров для урегулирования напряженности в двусторонних отношениях, чем обозначил отход силового компонента «системного сдерживания» на второй план. В этот период на первое место выходит экономический компонент, который после введения в 2010 г. односторонних санкций США и ЕС, направленных против банковского сектора и топливно-энергетического комплекса ИРИ, приобрел черты экономической войны. К 2012 г. система разнообразных односторонних и многосторонних санкций в отношении ИРИ включала в себя не только эмбарго на поставки нефти и нефтепродуктов в США и страны ЕС, но и ограничила доступ Ирана к системе SWIFT, банковским услугам в третьих странах, а также технологиям и оборудованию во всех основных отраслях промышленности [Юртаев 2016: 26—29].

В свою очередь Тегеран противопоставил экономическому давлению комплекс мер по обходу санкций, организованный и проводившийся в жизнь на государственном уровне, с подключением Корпуса стражей исламской революции (КСИР) и Министерства информации (МИ, разведка и контрразведка), имевших большой опыт осуществления тайных операций. При их непосредственном участии в Турции, ОАЭ, Сингапуре и Гонконге было зарегистрировано множество различных компаний-посредников, предоставлявших финансовые, страховые и транспортные услуги, а также позволявших скрыть истинное происхождение продаваемой Ираном нефти.

В попытке снизить уровень действенности санкций против банковского сектора в ИРИ использовались такие инструменты, как оплата в национальной валюте, оплата наличными средствами или золотом. Для купирования последствий

---

⁵ The Washington Post — Troops Authorized to Kill Iranian Operatives in Iraq. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2007/01/25/AR2007012502199.html> (accessed 7.11.2016).

от нефтяного эмбарго со стороны ЕС поставки иранской нефти были диверсифицированы за счет стран Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии.

В итоге сложилась эффективно действовавшая система преодоления санкций, что позволило Ирану обеспечить бесперебойное поступление валютных средств от продажи нефти в объеме, достаточном не только для обеспечения потребностей населения и гражданских отраслей экономики, но и для поддержания боевой готовности силовых структур. Кроме того, созданная усилиями КСИР и МИ сеть из компаний-посредников в третьих странах активно использовалась Центром по инновациям и техническому сотрудничеству при администрации президента ИРИ для закупки и транспортировки необходимых для военной и гражданской промышленности Ирана оборудования, материалов и технологий, подпадавших под действие санкций.

В условиях сохранения напряженности вокруг ИРИ в связи с развитием национальной атомной программы, сопровождавшейся заявлениями официальных лиц США и Израиля о готовности нанести ракетно-бомбовые удары по объектам иранской атомной инфраструктуры, повышение обороноспособности страны приобрело первостепенное значение для обеспечения независимости и территориальной целостности государства. Начиная с 2005 г. военно-воздушные силы ВС ИРИ совместно с военно-воздушными, военно-морскими и ракетно-космическими силами КСИР повысили интенсивность учений и маневров, в ходе которых отрабатывали приемы противодействия массированным атакам условного противника с воздуха и моря, включая противовоздушное прикрытие ключевых промышленных и административных объектов. Проводились учения сил народного ополчения «Басидж», осваивавших взаимодействие с регулярными частями армии и КСИР, в том числе осуществление вспомогательных функций и диверсионно-террористических операций в тылу врага.

Стабильные финансовые поступления вместе с ростом боеспособности иранских силовых структур сохранили возможности Тегерана по проецированию политического влияния на стратегически важные для ИРИ страны Ближнего Востока. Наряду с позициями в Ливане, Палестине и Ираке, имеющими ключевое значение для оказания давления на США и Израиль, после начала масштабной дестабилизации в регионе в 2010 г. (так называемой арабской весны) приоритетное значение для ИРИ получили Йемен и Сирия. Ориентирующееся на Иран шиитское «Движение аль-Хоуси» (ДХ), установившее контроль над северными районами страны после свержения правительства А. Салеха в 2011 г., стало мощным рычагом влияния ИРИ на Аравийском полуострове, с которым вынуждены считаться страны ССАГПЗ. Разгоревшаяся в 2011 г. гражданская война в Сирии не только создала перспективу утраты Ираном важнейшего регионального союзника в лице возглавляемой Б. Асадом САР, но и предоставила возможность мобилизовать все силы про-иранских ВПД для противодействия отрядам вооруженной оппозиции, спонсируемым «заливными» монархиями и странами Запада. Если раньше речь шла об опосредованном противостоянии с потенциальными противниками в Ираке и Сирии, то в новых условиях Иран получил возможность непосредственно участвовать в боевых действиях как против «умеренных» оппозиционеров, так и против

террористов из радикальных исламистских организаций, которые представляют непосредственную угрозу ИРИ и всему Ближнему Востоку [Полищук 2016: 231—242].

Вместе с оказанием прямой финансовой помощи широкому кругу ориентирующихся на Исламскую Республику Иран политических сил, по мере развития своего военно-промышленного комплекса Иран получил возможность снабжать своих союзников все более эффективными видами вооружений. Благодаря системе обхода санкций, Тегеран смог продолжить модернизацию национального ВПК, добившись значительных успехов в этой сфере: к 2010 г. была завершена разработка и начато производство новых систем оборонительных и наступательных вооружений. Среди них: комплексы ПВО «Мерсад», «Сайад», «Раад», «Фаджр», «Мисаг» и «Йа Зохра», оснащенные современными радиолокационными системами и ракетами «земля — воздух». Особое значение имело завершение работ над баллистическими ракетами средней дальности «Шахаб-3» и «Седжилъ» с дальностью до 1,5 тыс. км, способных уверенно поражать военные базы США в Персидском заливе и стратегические объекты на территории Израиля⁶. В настоящее время в Иране на стадии летно-конструкторских испытаний ведется работа над ракетой «Шахаб-4» — следующей моделью, предназначенной для поражения объектов противника на дальности до 5 тыс. км. На подобной стадии разработки находится и первая иранская мобильная крылатая ракета «Шахаб-5», способная поражать цели противника даже на территории некоторых европейских государств, входящих в блок НАТО [Сажин, Бондарь 2014: 342].

Оборонно-промышленным комплексом ИРИ было также налажено производство более простых и дешевых оперативно-тактических ракетных комплексов (ОТРК) «Фатех-110» и «Зальзаль» с дальностью до 500 км, а также массовый выпуск реактивных систем залпового огня (РСЗО) семейств «Фалак» и «Фаджр». Современные ОТРК и РСЗО иранского производства, поставлявшиеся союзникам Тегерана в Ливане, Палестине, Сирии и Йемене, значительно увеличили их боевую мощь. Наиболее показательны примеры их боевого применения в Йемене, где отряды ДХ подвергают разрушительным ракетным обстрелам не только приграничные базы саудовских силовиков, но и военные объекты в глубине территории королевства⁷.

Второй важнейшей составляющей «системного сдерживания» ИРИ, вышедшей на первый план после прихода Б. Обамы в Белый дом, стал идеологический компонент, нацеленный на ослабление регионального влияния Тегерана за счет изменения политического ландшафта на Ближнем Востоке. Содержанием поли-

⁶ Iran missile program. Nuclear Threat Initiative. URL: <http://www.nti.org/learn/countries/iran/delivery-systems>; Wisconsin Project on Nuclear Arms Control — Iran Missile Milestones: 1985-2016. URL: <http://www.iranwatch.org/our-publications/weapon-program-background-report/iran-missile-milestones-1985-2016> (accessed 8.11.2016).

⁷ Yemen's Houthis respond to air strike with missile attack. URL: <http://www.reuters.com/article/us-yemen-security-idUSKCN12A13J>; Iranian Rocketry in the Service of the Houthis in Yemen. Israel Defence. URL: <http://www.israeldefense.co.il/en/content/iranian-rocketry-service-houthis-yemen> (accessed 8.11.2016).

тики Вашингтона на этом направлении стало использование СМИ, социальных сетей и современных средств коммуникации для подмены религиозно-идеологических основ мировоззрения широких слоев населения в странах Ближнего Востока и Северной Африки ценностями либеральной демократии западного образца. Вслед за этим в массовом сознании формировались представления о правящих режимах как нелегитимных и провоцировании социального конфликта для смены власти в стране на режим, устраивающий США.

Инициированные Вашингтоном массовые акции гражданского неповиновения, охватившие регион в конце 2010 г., привели, как и ранее, при реализации проекта «демократизации Большого Ближнего Востока» в 2003—2006 гг., к росту влияния исламистских партий и движений. В этих условиях США задействовали финансовые возможности Саудовской Аравии и Катара для поддержки исламистских движений именно суннитского характера для недопущения распространения иранского влияния. Однако излишний радикализм, исключительно просуннитская и зачастую антишиитская направленность этих сил (различные группировки ливийских и сирийских оппозиционеров, «Джабхат ан-Нусра» («Джабхат Фатх аш-Шам»), «ад-Дауля аль-Исламия фи-ль-Ирак ва аш-Шам») привели к поляризации исламского мира по линии сунниты — шииты и способствовали еще большему сплочению последних вокруг ИРИ.

Важнейшим фактором противодействия идеологическому компоненту «системного сдерживания» стала преемственность внешнеполитического курса ИРИ, которая выражается в неизменности его концептуальных установок при поддержании актуальности внешнеполитической повестки дня. Фундаментальное, определяющее воздействие на внешнеполитическом курсе Тегерана продолжала оказывать концепция исламской власти, разработанная Р. Хомейни и его соратниками. Устойчивость данной концептуальной парадигмы определяется ее воплощением в системе государственных институтов ИРИ и восприимчивостью населением Ирана.

Концепция Р. Хомейни, ставшая основой идеологии ИРИ, восходит к пяти «принципам ислама» (осуле-е дин), образующим в восприятии мусульман-шиитов неразрывную целостность и формирующим их мировоззрение. В рамках этой сетевой по сути пентаматрицы в идеологических целях возможно формирование различных иерархий или вариантов градации этих принципов. Достигается это путем их различной актуализации в идеологии ИРИ с последующим воплощением возникшей комбинации в государственной политической практике [Юртаев 2012: 82—87].

Формирование определенной комбинации ведущих на данный момент времени «принципов религии» оказывает непосредственное влияние на актуализацию тех или иных «принципов следования предписаниям религии» (фору'-э дин). Они несут воспитательно-мобилизующую нагрузку, практически программируя все поступки и действия мусульманина по следованию «принципам религии» [Юртаев 1993: 42—56]. Их охват идеологической пентаматрицей ИРИ, позволяющей манипулировать «фору'-э дин» в политических целях, придает внешнеполитическому курсу ИРИ чрезвычайно высокую эффективность, обеспечивая поддержку мусульман и прежде всего шиитов. Идеологическая преемственность внешней

политики Исламской Республики Иран позволяет Тегерану, несмотря на противодействие США и «заливных» монархий, сохранять союзнические отношения с шиитскими ВПД, устанавливать партнерские отношения с государствами суннитского большинства (Египет, Турция, Алжир, Малайзия и др.) и быть открытым к диалогу с противниками, но на своих условиях.

Таким образом, для нейтрализации каждого из компонентов американской политики «системного сдерживания» Тегеран задействовал собственные контрмеры: против военного-силового давления — активизацию проиранских шиитских ВПД, вынудивших США сократить военное присутствие у иранских границ, в ответ на введение антииранского санкционного режима — систему обхода санкций, предоставившую возможности как для обеспечения потребностей страны, так и для поддержки региональных союзников. А идеологическая преемственность внешнеполитического курса Тегерана свела на нет попытку США и их союзников ослабить проиранский лагерь изнутри. Более того, комбинация форм асимметричного противостояния американскому давлению позволила ИРИ сформировать экономические и военно-политические структуры, способные обеспечить Тегерану быстрый рывок в плане наращивания регионального влияния в условиях новых внешнеэкономических реалий, оформленных в СВПД.

Опыт иранского противостояния «системному сдерживанию» США показывает, что решительное отстаивание национальных интересов во избежание прямой конфронтации, сопровождающейся готовностью нанести Соединенным Штатам неприемлемый людской и материальный ущерб, позволяет достичь компромиссных развязок, предусматривающих соблюдение национальных интересов, ранее отрицавшихся Вашингтоном. В случае с ИРИ таким компромиссом стала отмена антииранских санкций с признанием прав Исламской Республики Иран на мирную атомную программу по обогащению урана на своей территории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дружиловский С.Б. Шиитский полумесяц на Ближнем Востоке. Миф и реальность // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы / Под ред. Н.М. Мамедовой. М.: ИВ РАН, 2016.

Иранская революция 1978—1979 гг. Причины и уроки: Коллективная монография / Отв. ред. А.З. Арабаджян. М.: Наука, 1989.

Полищук А.И. Проблемы безопасности Ирана в региональном контексте // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы / Под ред. Н.М. Мамедовой / М.: ИВ РАН, 2016.

Сажин В.И., Бондарь Ю.М. Военная мощь Исламской Республики Иран. М.: Издательство Московского университета, 2014.

Федорова И.Е. Америко-иранские отношения после принятия Совместного всеобъемлющего плана действий по решению иранской ядерной проблемы // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы / Под ред. Н.М. Мамедовой. М.: ИВ РАН, 2016.

Юртаев В.И. Иран: студенты в исламской революции. М.: Наука. Издательство «Восточная литература», 1993.

Юртаев В.И. Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран (1979—2010 гг.): Монография. М.: РУДН, 2012.

Юртаев В.И. Иран и санкции: пределы саморазвития // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. 60 (5). С. 26—29.

Alvandi R. Nixon, Kissinger, and the Shah: The United States and Iran in the Cold War. New York, NY: Oxford University Press, 2014.

Gardner L.C., Young M.B. eds. Iraq and the Lessons of Vietnam. New York, NY: The New Press, 2008.

F. Gregory Gause III. The International Relations of the Persian Gulf. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2010.

Herring G.C. From Colony to Superpower: U.S. Foreign Relations Since 1776. New York, NY: Oxford University Press, 2008.

Kahl C.H., Stokes J., Pattani R. If all else fails. The challenges of containing a nuclear-armed Iran. Washington, DC: The Center for a New American Security, 2013.

Litwak Robert S. Iran nuclear chess: after the deal. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press, 2015.

Maloney S. America and Iran: from containment to coexistence. The Brookings Institution Policy Brief. 2001. № 87. P. 1—8.

Patterson J.T. Restless Giant: The United States from Watergate to Bush v. Gore. New York, NY: Oxford University Press, 2007.

Reardon R.J. Containing Iran. Strategies for addressing the Iranian nuclear challenge. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2012.

Дата поступления статьи: 10.11.2016

Благодарность: Данная статья подготовлена в рамках НИР РУДН 2016 г. «Незападные теории международных отношений. Азиатские, латиноамериканские и африканские концепции мироустройства».

Для цитирования: *К.Г. Краснов, В.И. Юртаев.* Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия «системного сдерживания» // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 4. С. 616—627.

DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-616-627

THE FOREIGN POLICY OF IRAN IN THE MIDDLE EAST AND THE AMERICAN STRATEGY OF “SYSTEM CONTAINMENT”

K.G. Krasnov, V.I. Yurtaev

RUDN University, Moscow, Russia

In article features of forming and implementation of foreign policy of the Islamic Republic of Iran (IRI) in the Middle East (Iraq, the Syria-Lebanese-Palestinian zone, Egypt, Gulf States and Yemen) in the conditions of transformation of forms and methods of implementation of Washington’s strategy of “system containment” of the IRI are analyzed. Special attention is paid to identification of potential of IRI as one of leaders of the Middle East region.

The main stages, the directions and implementation methods of strategy of “system containment” of the IRI as triangle complex of political, economic and military measures, performed by the USA and their allies for rendering multilateral pressure upon Tehran in order to change its foreign policy and the State power in the country, are shown.

Change of a foreign policy line and approaches of Tehran to the solution of regional problems is considered in the context of escalation of pressure upon Iran from the USA and the states of the West. It is analyzed what forms and methods of the foreign policy and foreign economic activity implementation were used by Iran in the situation of increased political and economic risks, connected with toughening of the international and unilateral sanctions.

In the conclusion, efficiency evaluations of Middle Eastern dimension of the Iranian foreign policy during the considered period are given and the tendencies of development of the situation around the IRI, that allow us to make the forecast for the medium term, are allocated.

Key words: Iran, USA, Middle East, system containment, strategy, foreign policy, sanctions.

REFERENCES

Alvandi, R. (2014). *Nixon, Kissinger, and the Shah: The United States and Iran in the Cold War*. New York, NY: Oxford University Press.

Druzhilovskij, S.B. (2016). Shiitskij polumesjac na Blizhnem Vostoke. Mif i real'nost' [The Shia crescent in the Middle East. Myth and reality]. *Iran vo vtorom desjatiletii XXI veka: vyzovy i perspektivy*. Ed. N.M. Mamedova. Moscow: Iinstitut Vostokovedenija RAN.

Fedorova, I.E. (2016). Amerikano-iranske otnoshenija posle prinjatija Sovmestnogo vseobimljushhego plana dejstvij po resheniju iranskoj jadernoj problemy [The USA — IRI relations after the adoption of the Joint comprehensive plan of action]. *Iran vo vtorom desjatiletii XXI veka: vyzovy i perspektivy*. Ed. N.M. Mamedova. Moscow: Iinstitut Vostokovedenija RAN.

Gardner, L.C., Young, M.B. eds. (2008). *Iraq and the Lessons of Vietnam*. New York, NY: The New Press.

F. Gregory, Gause III. (2010). *The International Relations of the Persian Gulf*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Herring, G.C. (2008). *From Colony to Superpower: U.S. Foreign Relations Since 1776*. New York, NY: Oxford University Press.

Iranskaja revoljucija 1978—1979 gg. Prichiny i uroki [The Iranian revolution 1978—1979. Reasons and lessons]. (1989). Ed. A.Z. Arabadzhan. Moscow: Nauka, Glavnaja redakcija vostochnoj literatury.

Kahl, C.H., Stokes, J., Pattani, R. (2013). *If all else fails. The challenges of containing a nuclear-armed Iran*. Washington, DC: The Center for a New American Security.

Litwak, Robert S. (2015). *Iran nuclear chess: after the deal*. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press.

Maloney, S. (2001). *America and Iran: from containment to coexistence*. The Brookings Institution Policy Brief, 87, pp. 1—8.

Patterson, J.T. (2007). *Restless Giant: The United States from Watergate to Bush v. Gore*. New York, NY: Oxford University Press.

Polishhuk, A.I. (2016). Problemy bezopasnosti Irana v regional'nom kontekste [The problems of security of Iran in the regional context]. *Iran vo vtorom desjatiletii XXI veka: vyzovy i perspektivy*. Ed. by N.M. Mamedova. Moscow: Iinstitut Vostokovedenija RAN.

Reardon, R.J. (2012). *Containing Iran. Strategies for addressing the Iranian nuclear challenge*. Santa Monica, CA: RAND Corporation.

Sazhin, V.I., Bondar', Ju.M. (2014). *Voennaja moshh' Islamskoj Respubliki Iran [The military power of the Islamic republic of Iran]*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

Yurtaev, V.I. (1993). *Iran: studenty v islamskoj revoljucii* [*Iran: Students in the Islamic revolution*]. Moscow: Nauka. Izdatel'stvo «Vostochnaja literatura».

Yurtaev, V.I. (2012). *Osobennosti i realizacija vneshnej politiki Islamskoj Respubliki Iran (1979—2010 gg.)*. [*The features and the realization of foreign policy of the Islamic republic of Iran*]. Moscow: RUDN.

Yurtaev, V.I. (2016). Iran i sankcii: predely samorazvitija. [Iran and sanctions: the limits of self-development]. *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 60 (5), pp. 26—29.

Received: 10.11.2016

Acknowledgments: This article was prepared within the framework of RUDN University 2016 Research project «Non-Western theories of international relations. Asian, Latin American and African concepts of the world order».

For citations: Krasnov, K.G., Yurtaev, V.I. (2016). The foreign policy of Iran in the Middle East and the American strategy of “system containment”. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (4), pp. 616—627.

© Краснов К.Г., Юртаев В.И., 2016